

Светлана Шашерина (Братислава)

НАРОДНЫЕ И АПОКРИФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ РОЖДЕСТВЕННОГО ЦИКЛА, ОТРАЖЕННЫЕ В УГЛЯНСКИХ РУКОПИСЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Материал для нашего исследования мы черпали в двух рукописных кириллических сборниках проповедей, толкований евангельских перикоп, поучений и экземпляров, которые возникли в конце XVII века в православном монастыре в селе Угля в современной Закарпатской области Украины. Первый сборник под названием *Углянское учительное евангелие* содержит переводы и толкования евангельских перикоп. Второй сборник называется *Углянский сборник Ключ* и состоит из проповедей, поучений на различные праздники церковного года, толкования, легенды и экземпляры. Автор рукописи *Ключ* использовал различные источники, которые были доступны и обычны в то время в центрально-европейской среде, находящейся под влиянием византийско-славянской культурно-обрядовой традиции, например, *Gesta Romanorum*, Лимонарий, Физиолог, Диоптра и другие. Обе рукописи написаны на церковнославянском языке с заимствованиями из местной языковой среды, особенно из русинско-украинских диалектов подкарпатско-русинского региона, заимствованиями из контактной диалектной среды восточнославянских диалектов, из польского, венгерского и румынского языков. В отличие от *Углянского учительного евангелия*, сборник *Ключ* содержит гораздо больше народных языковых заимствований. Этому факту мы не будем уделять внимание в настоящей статье.

Несмотря на хорошо сохранившееся до наших дней культурное наследие пограничного между славянским Востоком и Западом ареала, которое включает в себя десятки рукописных книг литургического и окололитургического характера, в настоящее время проводится крайне мало исследований, касающихся этого самого культурного наследия¹. До настоящего време-

¹ Важнейшей работой по указанной проблематике является хрестоматия: Р. ŽEŇUCH, *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / Prameny k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku*, Bratislava–Roma 2013. Проблематикой исследования кириллической гомилетической и экзегетической традиции занимается и польская исследовательница Г. ЧУБА. Cf. e.g. Г. ЧУБА, *Українські рукописні учительні Євангелія. Дослідження, каталог, описи*, Київ–Львів 2011.

ни углянские рукописи не были полностью изучены и даже опубликованы, хотя они представляют собой большой интерес для исследователей диалектологии, культурно-религиозной традиции, истории литературы и других дисциплин. Данные рукописи содержат уникальные сюжеты и мотивы, которые сохранились до нашего времени только в этих конкретных памятниках. Таким образом, их значение заключается также и в том, что смогли сохранить уникальную прозаическую и легендарную традицию, которая непрерывно развивалась в обеих частях культурно-религиозного славянского мира.

Исследуемые рукописи хранятся в архиве Национального музея в Праге. Их описал и частично издавал исследователь карпатской словесности Юлиан Яворский в первой половине XX века², позднее краткое описание им дали Йозеф Вашица и Йозеф Вайс³. В настоящее время эти рукописи незаслуженно забыты, исследованием данной рукописной традиции карпатского происхождения систематически начали заниматься в Институте славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук только с недавних пор. Этот факт обуславливает и методику исследования: до тех пор, пока не существует обработанный корпус текстов карпатского происхождения, текстологическое исследование не представляется возможным⁴.

Подкарпатская Русь второй половины XVII века представляет собой культурный феномен, так как располагается на границе между двумя славянскими конгломератами, называемыми *Slavia Latina* и *Slavia Byzantina*. Эти славянские конгломераты отличаются друг от друга языком, но прежде всего церковными обрядами и культурной традицией. Данная область интересна для исследователя тем, как в ней совмещаются и взаимно влияют друг на друга различные культурно-религиозные традиции и языковые контексты межкультурной и межэтнической среды карпатского региона. Подобное взаимовлияние и в настоящее время отражается на всех уровнях культурной жизни людей, в том числе на уровне языка и понятийного аппарата, что находит подтверждение в памятниках письменности, возникших в исследуемой среде. Духовная культура в регионе под Карпатами, находясь под влиянием византийской традиции, вбирала в себя элементы обоих конгломератов, поэтому благодаря пограничному расположению ее можно воспринимать как самостоятельную культурную единицу. Особо важным фак-

² Cf. Ю.А. Яворский, *Ветхозавѣтныя библейскія сказанія въ карпаторусской церковно-учительной обработкѣ конца XVII-го вѣка*, Ужгород–Прага 1927; *идем*, *Повѣсти изъ «Gesta Romanorum» въ карпаторусской обработкѣ конца XVII-го вѣка*, Прага 1929; *идем*, *Новыя рукописныя находки въ области старинной карпаторусской письменности XVI–XVIII вѣковъ*, Прага 1931.

³ J. VAŠICA, J. VAJS, *Soupis staroslovanských rukopisů Národního musea v Praze*, Praha 1957.

⁴ Учитывая этот факт, автор данной статьи в качестве диссертационной работы готовит комментированное издание обеих углянских рукописей XVII века.

тором для формирования и развития самостоятельной духовной культуры в этом регионе стала некоторая изолированность бывшей Мукачевской епархии от остальной культурно-конфессиональной среды⁵. Конечно, на территории бывшей Мукачевской епархии существовали монастыри и при них школы, духовные семинарии, хотя общий уровень образования все равно стереотипно считается низким⁶. Молодое поколение обычно перенимало опыт старших; чтению, письму и церковному пению их в основном обучали священники, местные грамотные люди и учителя. Несмотря на то, что крепостными были и прихожане, и многие священники, высокий уровень языковой и богословской подготовки последних обеспечил существование собственной обширной письменной традиции, в рамках которой создавались как литургические книги (литургиконы, триодионы, минеи, требники, псалтыри, апостолы, евангелиарии и другие), так и рукописные сборники околоритургического характера: проповеди, сборники заметок исторического характера и изложений истории церкви, правила церковной жизни, толкования и поучения, апокрифы, легенды, повести и сборники рассказов о житиях святых и происхождении праздников, о происхождении и природе мира и подобные.

Как правило, эти книги являются списками с более старых источников, но не исключены и стилизации, компиляции и переводы с других, в том числе латинских и греческих, оригиналов. Чаще всего подобным образом возникали сборники экзегетических текстов с переводами и толкованиями для простых людей, записанные на местном народном языке кириллическим шрифтом. Среди таких сборников чаще всего встречаются переводы литургических евангельских перикоп, за которыми следуют пространные толкования и поучения, которые использовались священниками как материал для подготовки к проповеди или читались в храме вместо проповеди.

⁵ C. VASIE, *Kanonické pramene byzantsko-slovanskej katolíckej cirkvi v Mukačevskej a Prešovskej eparchii v porovnaní s Kódexom kánonov východných cirkví*, Trnava 2000.

⁶ С языковой и культурной идентичностью верующих церкви византийского обряда в Словакии тесно связан и их уровень образования. Большое количество памятников письменности, которые возникли в среде византийского обряда в Мукачевской епархии на церковнославянском, латинском, словацком, русинском, украинском, польском, венгерском и немецком языках, свидетельствует не только об этнической принадлежности писарей, но и об их высоком уровне образования, который они получили не только за границей Венгерского королевства (на Украине, в Польше, Сербии), но и в домашней среде, например, в школах при монастырях латинского и византийско-славянского обряда, а также в различных деревенских и городских школах и училищах, которые посещали одаренные прихожане византийской церкви. Именно они интересуются и всегда интересовались образованием. Обычно потом они становились священниками или учителями в домашней конфессиональной среде, если только не подвергались давлению со стороны латинского пространства. Результатом незнания этих обстоятельств являются повторяющиеся и сегодня стереотипные взгляды на духовенство, учителей и канторов в среде византийского обряда как на необразованных. (Р. ŽEŇUŠ, *Источники византийско-славянской...* р. 84.)

Развитие гомилетической традиции, находящейся под влиянием неканонических (апокрифических) сочинений, хорошо видно в проповедях на праздник Рождества Христова. Среди нескольких толкований евангельских перикоп в *Углянском учительном евангелии* находится один такой текст, а в сборнике *Ключ* – два. В обеих рукописях встречается мотив, известный из *Сказания Афродитиана*. *Сказание Афродитиана* в славянском контексте появилось в XII–XIII вв. в качестве перевода с греческого оригинала⁷. Эдунг Братке высказывает предположение о происхождении сказания в Малой Азии или Сирии во второй половине IV в., где это мифологическое повествование в результате смешения религиозных элементов различного происхождения и характера трансформировалось в позднейшую синкретическую версию. По мнению исследователя, сказание, написанное на туманном языке предсказаний оракулов, возникло как результат хорошо продуманной христианской апологетики⁸. Другой исследователь сказания, Александр Бобров, утверждает, что *Сказание* относится к общему фонду памятников литературы восточных и южных славян, встречается не только в греческих и древнерусских, но и в сербских, болгарских, молдавских, украинских и румынских рукописях⁹.

Изучением *Сказания Афродитиана* занимались многие ученые. Среди них Н.С. Тихонравов, П.Е. Щеголев, А.Н. Пыпин, И.Я. Порфирьев, И. Франко, Й. Поливка, каждый из которых издал хотя бы один вариант сказания. Объемную статью о сказании и его функционировании в украинской традиции посвятила В.П. Адрианова-Перетц. Главным исследователем сказания в настоящее время является уже упомянутый А.Г. Бобров, который проделал огромную работу, связанную с поиском и анализом всех возможных списков сказания. В своей монографии *Апокрифическое Сказание Афродитиана в литературе и книжности Древней Руси* он изучил свыше 90 списков, но списки сказания, содержащиеся в углянских рукописях, ему не были доступны.

Известно, что *Сказание Афродитиана* было занесено в русские списки «книг истинных и ложных» с подачи Максима Грека, который строго осудил сказание, направив на него *Обличение и опровержение лживаго писанія зломудраго Афродитіана персянина*. Максим Грек рекомендует рассматривать книги на предмет их истинности, проверять, не нарушают ли

⁷ Существуют два перевода *Сказания Афродитиана*. Первый был сделан в домонгольское время на территории Южной Руси, древнейший список относится к XIII в. Второй перевод, согласно предположению П.Е. Щеголева, выполнен в Константинополе или на Афоне в кон. XIV – нач. XV в. Во втором переводе текст озаглавлен *Повесть Афродитиана*, а не *Сказание*, и авторство приписывается Филиппу Пресвитеру.

⁸ Е. ВРАТКЕ, *Das sogenannte Religionsgespräch am Hof der Sasaniden*, Leipzig 1899. Здесь и далее цитируется по А.Г. БОБРОВ, *Апокрифическое Сказание Афродитиана в литературе и книжности Древней Руси*, Санкт-Петербург 1994.

⁹ *Ibidem*, p. 19.

они догматы веры, и вообще не всякимъ вътрѣмъ ученія увлекаться¹⁰. Он также отмечает, что произведение весьма почитаемо у простых верующих, недугующихъ недостаточнымъ пониманіемъ боговдохновенныхъ писаній¹¹. Максим Грек отмечал, что автор сказания не относится к числу авторитетных христианских писателей, многое в произведении не согласуется со Священным Писанием и противоречит историческим фактам, внутренне оно нелогично и противоречиво и в нем встречаются еретические мысли¹². В итоге текст был исключен из круга Уставных чтений, но индивидуальное чтение его не запрещалось, и, судя по всему, текст не приравнивался к «книгам ложным и отреченным» – апокрифам. Рассмотрев дальнейшую историю сказания, А.Г. Бобров приходит к выводу, что в середине XVI–XVII вв. постепенно утверждается представление о Сказании Афродитиана как об апокрифическом произведении, что приводит к резкому уменьшению количества его списков¹³. Однако даже резкая критика Максима Грека не сломила полностью интерес читателей к Сказанию Афродитиана, и его вторая часть, описывающая путешествие волхвов, продолжала влиять даже на церковные слова на праздник Рождества Христова. Именно мотив прихода трех царей находится в различных вариантах гомилетических произведений в углянских рукописях.

В рукописи IX С 19 (Углянское учительное евангелие) находится проповедь на рѣдѣство хѣо на литѣргин ѣѣ з выкладѣм. Толкование начинается издалека, от родителей Христовых, и содержит стройное выверенное повествование, согласующееся со Священным Писанием. Вторая часть рукописи, озаглавленная ѡ нѣкѣхъ мѹдрѣцѣхъ является словом на Рождество Христово о пришествии волхвов. Специфика текста обусловлена спецификой самого памятника: это учительное евангелие, здесь не может быть неточностей в изложении и толковании библейских событий, а автор отличается последовательностью повествования. Кроме того, автор объясняет административное устройство Иудеи во время рождения Христа, что придает тексту последовательность и достоверность:

Ѣ тѣ чѣ во іерлѣмѣ, на троѣ або на четверо пѣнство было дръжано. пѣлѣ влѣдѣнѹль іѹдѣею. ірѣ галилею. пѣлѣнѣ братъ его тѣрѣнею, и тѣрафѣтскою страною. а вѣлѣнѣю. а тѣмъ были воеводѣ. и старостѣ. а ірѣ цѣремъ або крѣлемъ на нѣлѣ. а пѣ мѣцѣю были цѣрѣ римскаго. а дѣховный

¹⁰ М. ГРЕК, Сочинения преподобнаго Максима Грека въ русскомъ переводѣ. Часть третья, Свято-Троицкая Сергіева лавра 1911, р. 82.

¹¹ Ibidem.

¹² М. Грек оспаривает даже такие подробности, как рассказ о том, что младенец Христос играл и смеялся, на что возражает, что младенец сей не был подобен неразумным младенцам, а был совершенный Бог и нрав его не был младенческим. Вообще, утверждение, что Христос никогда не смеялся, свойственно про русскую культуру в целом (ср. е.г. В.В. РОЗАНОВ, Темный лик. Метафизика христианства, Санкт-Петербург 1911).

¹³ А.Г. БОБРОВ, Апокрифическое Сказание Афродитиана... р. 87.

ѡсовы иначе тѣ были калѣфаш, архіерей и кнѣзѣи. были на посполитымъ людемъ. хотѣ же бы много было панѣ. а вѣжды жаде с нѣ не ѡбралса добрыи.

Характерной особенностью этого списка является эпизод, когда волхвы, пришедшие в Иерусалим, стали спрашивать людей, где родился «царь жидовский», на что люди отвечали так: якого вы цѣрѣ пытаете. або вѣ цѣрѣ в на единѣ е, ирѣ. а снѣ в него давно са родиль. Адрианова-Перетц утверждает, что упоминание о сыне Ирода является характерной чертой именно украинских переработок *Слова о пришествии волхвов*¹⁴. Указание на место происхождения волхвов – а тый мудръцѣе были с трѣ повѣтѣ. еди и ефиѣпи. а други и сарин. а третин и аравин – позднейшее дополнение, встречается именно в украинских редакциях сказания. Имена мудрецов – мѣлѣхѣ, вѣлтасанѣ, аспарѣ – традиция скорее западная, латинская. Также довольно редок эпизод, когда волхвы сидят по приказанию рассерженного Ирода в темнице, а их разговор подслушивает стражник. Интересен факт, что вифлеемская звезда, доведя их до Вифлеема, вдарила промѣнемъ на самого хѣ. Автор не упускает возможности прямо по ходу проповеди объяснить слушателям непонятные места: говоря, что волхвы принесли в дар Христу золото как царю, кадило как богу и миро как несмертельному, между делом объясняет

миро е ма. барзо запахѣ пекнаго. которою са помазовали зацнѣи люде. по тѣмѣ мѣртвѣмѣ. абы не смѣрѣло. абы не гнило.

В заключении повествования автор использует риторические приемы:

ѡный мудръцѣе принесли злато. а мы мѣсто злата принесѣмъ чинки добры и справѣливыи. а мѣсто кадила мѣтвѣ и по за грѣхѣи свой, мѣсто мира мѣлѣ любѣ. до каждога чловека хрѣтѣанскаго.

Рукопись IX С 18, или *Угледский сборник Ключ*, – это сборник евангельских толкований преимущественно религиозно-дидактической тематики, содержит разнообразные поучения и повести, заимствованные из духовных и светских источников. В проповеди на Рождество Христово также встречается мотив, ведущий свое происхождение от *Сказания Афродитиана*. Несмотря на то, что рукописи учительного *Евангелия* и сборника *Ключ* были созданы примерно в одно время в Угледском монастыре и даже сшиты под одним переплетом¹⁵, речь идет о двух совершенно разных редакциях *Сказания Афродитиана*. С большой вероятностью можно утверждать, что при их создании были использованы разные источники. Характерным в этой связи нам представляется описание волхвов:

¹⁴ В.П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ, *Из истории русско-украинских литературных связей в XVIII веке*, [in:] *Исследования и материалы по древнерусской литературе*, Москва 1961, р. 269.

¹⁵ Ю.А. ЯВОРСКИЙ, *Новые рукописные находки...* р. 43.

Тый триє црѣ были звѣдоуєцѣ. юже научи ѿ прѣокъ. балааи такой хитрости. во перской сторонѣ бли вавилона вариша. тоты црѣ дѣже фаловали смотрачи. єдну звѣзду. великую.

Дары, принесенные волхвами младенцу Иисусу, также отличаются от общей традиции:

Єди ұзѧ тимиѧ бѣлий. а другїи возєи золотый динарѣ. якъ бы червонїи многоцѣнїи. Я третїи ұзѧ синїи ұ єдну слѧнїцу. и синїна бѣше вода. яже сотвориѧ ѿ цѣѣтиѧ.

В тексте дана подробная информация о волхвах: им по сорок лет, они говорят на халдейском языке и идут в Вифлеем не одни, а в сопровождении тридцатилетнего юноши-писаря Изуграфа, который впоследствии описал (возможно, что и нарисовал) Богородицу и записал разговоры волхвов. Этот мотив встречается только в некоторых редакциях *Сказания*, фигура же Изуграфа не была известна из ранее исследованных вариантов сказания и в нашем источнике встречается впервые¹⁶.

В Иерусалиме волхвы решают пойти спросить Ирода о месте рождения Иисуса Христа Назарянина, и Ирод им отвечает, что Младенец, по словам пророков, должен родиться в Вифлееме. Волхвы уходят из Иерусалима без каких-либо проблем, а путеводная звезда снова выходит и светит им. Этот факт достаточно красноречиво свидетельствует о том, что автор, а может быть и переписчик, не были близко знакомы с обстоятельствами Рождества Христова.

Несмотря на то, что в начале данной редакции Ирод ошибочно не представляет опасности, в тексте-вставке Изуграфа он все же рассердился, когда волхвы не пришли к нему после поклонения Христу и решил избавиться от младенцев возрастом до трех лет. Эпизод избиения младенцев изначально не должен входить в *Сказание Афродитиана*, ведь волхвы ничего не знали о кровопролитии в Иудее, так как совершилось оно много позднее, когда Ирод разгадал обман.

Отличительной чертой редакции *Сказания Афродитиана*, записанной в *Угличском сборнике Ключ*, является следующий эпизод. Волхвы, или как их здесь называют, цари, ходили поклониться Иисусу и Богородице по очереди. Первый, зайдя, на руках девы Марии видѣ штрѣча велїи красное, другому показался члѣкъ ш .л. лѣ, а третий, идя с дарами поклониться, видѣ члѣка на рѣкѣ на лонѣ стѣи вѣѣ мѣри. ұсого сѣдого борою. и голова єго бѣла вѣѣїи дѣїи. Данный мотив до сих пор еще не встречался в рамках исследования *Сказания Афродитиана*. Такой образ Святой Троицы на руках Богородицы в народной культуре встречается очень редко.

¹⁶ Несмотря на то, что этот мотив не является распространенным в письменной традиции, он встречается в иконографии. В качестве примера можно привести икону Собор Богоматери Варваринской церкви в Пскове, где около волхвов изображена и фигура писаря (или человека с книгой). За это наблюдение автор сердечно благодарит доцента Российского государственного гуманитарного университета (РГУ) Н.В. Квливидзе.

Также в тексте находятся слова Богородицы, обращенные к Сыну:

Слнцѣ сн҃у ꙗ тѣбѣ повнѹ ꙗ пелѣкы. а ты мѡвѣ. повнѣаѣ ꙗвѣ свѣѣ и ꙗ своей долони содежай всѧ земна. ꙗ ꙗ слѣ ск҃тїи положѹ тѧ. а ты нѣо ꙗкраснѣ звѣздами. слнцѣ сн҃у. ꙗ тѧ сосцами питаю. всѧ твари питателѧ. слнцѣ сн҃у. ꙗ слнѣю взирати на тѣбѣ. на него же много почитай арханг҃лы. и аг҃ли не слнѣю зрѣти,

которые, возможно, берут свое происхождение в текстах, связанных с проведением богослужебных обрядов на праздник Рождества Христова.¹⁷

Второе поучение на Рождество Христово, содержащееся в *Углянском сборнике Ключ*, содержит больше народных мотивов. Повествование начинается с простого объяснения ветхозаветного сюжета об идолопоклонничестве, как люди, не видя Бога истинного и желая утолить свое стремление, ꙗчїнї бѣ собѣ видѡмого бога бѧвана ꙗ золота и поклонялись солнцу, звездам, людям и животным как богам. Тогда Бог захотел ꙗ тѡ людѣ. и телеснѣ мислѣ ꙗ ꙗгодити: Слово стало сѣ тѣломъ, все люди от своего бѧванѡхѣства отступили и расширилась по земле истинная вера, говорится в рукописи. В тексте поучения доступно объясняются элементарные религиозные положения, а также тексты молитв, кондаков и тропарей праздника Рождества Христова. Значение Рождества в тексте рукописи объясняется на противопоставлении ветхозаветного бога Богу истинному:

Гдѣ бѣ сѣбѣ стрѧно ꙗказѧ бѣ на горѣ сїнайской. Во огни со грѡмѡ стрѧнымъ. Же не могли позирати. ани говорити изъ бѣ живы;

а о Рождестве Христа говорится следующее:

Слово бѣже стало сѣ тѣлѡ. бѣже стало сѣ чѣломъ. ꙗко едї братѣ людѣкїи. Затаивши велико мѡноеть свою възкѹ, и непристѹпнѹ свѣтлѡ. И стрѧнѣ грѡмѡ огнистыѣ манстатѹ. своего занѣхѧши: Тихѣ и ꙗбого. и ласкаво пришѡ. его сѣла мѡлѡ.

Несколько раз в тексте повторяется ключевая фраза, описывающая чудо Рождества Христова и перемену ситуации в целом в лучшую сторону: Слово бѣже стало сѣ тѣлѡ/чѣломъ. Например, приводится жалоба человека, который не имел ничего принести в жертву Богу, слово бѣже стало сѣ тѣлѡ и Бог принял жертву своего Сына. Другой человек был болен, али слово бѣже стало сѣ чѣломъ и Он облегчил временные страдания людей и ꙗсолѡдї нашѣ дочасливѣи нѣзы жѹры. Здесь мы встречаемся с достаточно известным мотивом, закрепленным в народной религиозности, который представляет Христа как второго Адама:

¹⁷ Cf., e.g., с текстом Царских часов (час девятый, глас шестой): *Dnes sa rodí z Panny ten, ktorý drží rukou celý svet. Podstatou nedotknuteľného Boha ovijajú plachtami ako obyčajného človeka. Ten, ktorý na počiatku upevnil slovom nebesá, leží v jasliach. Ten, ktorý ľudu na púšti zosielať mannu ako dážď, sýti sa mliekom z prs. Mudrcov pozýva Ženích Cirkvi, ich dary prijíma syn panny. Klaniame sa tvojmu narodeniu, Kriste, klaniame sa tvojmu narodeniu, Kriste, klaniame sa tvojmu narodeniu, Kriste, ukáž nám aj svoje božské bohozjavenia.*

Наймилишии братѣ. ставайме сѣнами бѣжиши. Не бѹѣ аѡановыми сѣньми. ѿ аѡана старого
зле: были есми сѣ ѹродили. криво гѡвѣто шпѣно. слабо [...] вѣѣть црковѣнаго ѹставѹ повенѣ хо-
дити чѣвкѣ. запоѣѣ бѣю попоѣнати. послушаниѣ не лѣнивыѣ бити. Горлѣчѣнѹ ѹ набѣжѣствѣ.
злости. перестѣгатисѣ. и грѣхѹ гордости ненависти лакомства. ѹдалатисѣ. То таковѣй
чѣвкѣ ѿ нового аѡана хрѣта. новороѡенѣй сѣнь ѣ: ѿца нѣного.

В Угљанском учительном евангелии, которое использовалось при литургии в качестве проповедей, не допускается фактических ошибок, но в то же время встречаются тексты, не рекомендуемые к уставному чтению, которые окрашены апокрифическими, неканоническими и народными мотивами. В Угљанском сборнике для чтения вне литургии, к которым мы относим сборник *Ключ*, апокрифы представлены в больших количествах, например, *Сказание о Сивилле*, *Письмо Господне к дьяволу, об освобождении Адама в аду от пут*, *Сказание о рыцаре и смерти* и многие другие. Для духовной культуры Закарпатского ареала, находящейся под влиянием византийской церковной традиции, во второй половине XVII века характерно существование и функционирование неканонических текстов как в рамках канона, так и за его рамками.

Abstract. Folk and Apocryphal Motives of The Nativity Cycle, Reflected in Cyrillic Manuscripts from Ugľa Monastery from the 17th Century. This paper deals with Apocryphas of the nativity cycle, particularly motives of the Three Wise Men arriving, which includes Afroditian's legend as well, in cultural context of Transcarpatia, which is a border area between Slavia latina and Slavia byzantina. The datas for study were two cyrillic manuscripts from Ugľa monastery from the 17th century.

Ключевые слова: кириллические рукописи, апокриф, Сказание Афродитиана.

Keywords: Cyrillic manuscripts, Apocrypha, Afroditian's legend.

Svetlana Shasherina

Slavistický ústav Jána Stanislava SAV

Bratislava

Slovensko

svetlana.saserina@savba.sk